

Мур ворвался на лестничную клетку и заметил мужчину, несущегося вниз.

Стиснув зубы, Мур помчался за ним, используя перила, чтобы преодолевать три и четыре ступеньки за раз и ругаясь по поводу того факта, что его пистолет все еще был в машине. Им разрешили использовать отель как место встречи, но охрана отеля и местная полиция были непреклонны в отношении их оружия: никому не разрешалось входить в здание. По этому вопросу не было места для переговоров, и хотя Мур и его коллеги имели доступ к ряду видов оружия это могло обойти систему безопасности, они решили выполнить просьбу, чтобы не рисковать и без того непрочными отношениями.

Мур должен был предположить, что если мужчина прошел контрольно-пропускной пункт службы безопасности ПМР, то он не был вооружен.

Но Мур также предполагал, что их гостиничный номер был безопасным местом встречи. Они выбрали одну из четырех свободных комнат на пятом этаже, которая выходила окнами на улицу, чтобы они могли наблюдать за приходом и уходом гостей и за движением транспорта. Любые резкие изменения были ранними признаками того, что что-то должно было произойти, и им нравилось называть это системой раннего предупреждения для проникательных. Хотя у них не было доступа к собаке, ищущей бомбы, они просканировали комнату на наличие электронных устройств и использовали ее в течение нескольких недель без инцидентов.

То, что этим головорезам удалось пронести взрывчатку внутрь, приводило в бешенство и душераздирало. Ходай прошел проверку без проблем, поэтому Мур должен был предположить, что человек не был подключен... если, конечно, сам контрольно-пропускной пункт безопасности не был подделкой, человек там работал на талибов...

Маленький парень продолжал двигаться в быстром темпе, добежал до первого этажа и выскочил из двери лестничной клетки, Мур отставал от него примерно на шесть секунд.

Пару вдохов спустя, и Мур вышел за дверь, повернув голову налево в сторону главного вестибюля, затем направо в длинный коридор, ведущий к спа-салону, тренажерному залу и задней парковке, расположенной на углу большой лесистой местности. Тем временем остальная часть отеля была охвачена хаосом, звучали сигналы тревоги, сотрудники службы безопасности кричали, а персонал отеля метался повсюду, когда дым от взрыва начал просачиваться в систему кондиционирования с резким запахом взрывчатки.

Еще раз оглянувшись через плечо, мужчина бросился к двери, когда Мур развернулся и бросился за ним, привлекая внимание двух горничных, которые показывали на них и кричали о безопасности. Хорошо.

Мур сократил разрыв, когда парень поднял обе руки и врезался в заднюю дверь, распахнув ее, прежде чем исчезнуть снаружи. И три, два, один, Мур ударил в дверь, задыхаясь, прохладная ночь окутала его, когда он увидел человека, бегущего к той же парковке, где Мур оставил свою машину.

Это был лучший выход для него, с лесом за ним, но это также привело бы их мимо машины Мура — и его пистолета, спрятанного внутри.

Гнев Мура наконец обрел силу. Этот парень не ушел бы. Это было уже не решение и даже не цель, а холодный, суровый факт. Мур уже представлял себе свою поимку; просто пришло время сделать это так. Как и ожидалось, у его жертвы не было такой физической выносливости, как у него, и мужчина начал замедляться, когда достиг порога лактата, но Муру предстояло пройти долгий путь, прежде чем он достиг своего... и поэтому он подскочил к мужчине сзади, как

волк, и нанес низкий удар ногой по левой ноге парня, который заставил его кричать и рухнуть на траву, как раз перед тем, как они оба достигли асфальта.

Была старая и очень известная поговорка о технике боя муай-тай: «Удар ногой проигрывает удару, удар ногой проигрывает колену, колено проигрывает локтю, локоть проигрывает удару ногой». Ну, этот придурок только что потерял все из-за удара Мура, и теперь Мур схватил запястья мужчины и маневрировал сверху, чтобы оседлать и прижать его.

— Не двигайся. Тебе конец! — сказал Мур на урду, языке, наиболее часто используемом в городе.

Мужчина поднял голову, пытаясь вырваться из хватки Мура, но затем его глаза сузились, а рот открылся в..

»... чем? Ужас? Шок?»

Где-то позади них прогремел гром. Знакомый гром. Ужасно знакомый...

Почти в то же время голова мужчины взорвалась, обдав Мура кровью и заставив его реагировать инстинктивно, всей мышечной памятью, без предусмотрительности, просто инстинкт самосохранения отталкивает его от человека и перекатывает на бок.

Он задышался, продолжал катиться, все еще полностью контролируя свое тело, эволюция тренировок никогда не забывалась, тело помнило, отвечало, реагировало.

Пистолет прогремел еще два раза, пули вонзились в грязь менее чем в шести дюймах от туловища Мура, когда он встал на четвереньки и бросился к своей машине, прямо там, всего в десяти метрах от него. Это оружие было снайперской винтовкой Драгунова российского производства. Мур был уверен в этом. Он стрелял из них, наблюдал, как из них стреляют, и в него стреляли люди, использующие их. Дальность стрельбы оружия составляла восемьсот метров и доходила до тысячи трехсот, если стрелок был опытен и использовал свой прицел. Съёмный коробчатый магазин на десять патронов мог бы на какое-то время задержать этого парня в деле.

Еще один выстрел пробил дыру в двери со стороны водителя, когда Мур полез в карман, нажал на брелок с ключами, и машина зачирикала. Он обошел машину, уходя с линии огня снайпера, и открыл дверь со стороны пассажира.

Ветровое стекло разлетелось вдребезги, когда очередная пуля пробила его насквозь. Из бардачка достался «Глок-30» Мура, на боку пистолета 45-го калибра было выбито слово «Австрия». Он вышел из-за двери, осмотрел линию деревьев и отель за ними, и вот он там, наклонился вперед на крыше двухэтажного технического центра по соседству.

Снайпер носил черную шерстяную шапочку, но его лицо было хорошо видно. Темная борода. Широко раскрытые глаза. Широкий нос. И Мур мысленно кивнул на снайперскую винтовку Драгунова с прикрепленным оптическим прицелом и большим магазином, которую снайпер поднял повыше, балансируя ее одним локтем, опирающимся на выступ. Даже когда Мур заметил его, снайпер увидел Мура и сделал три выстрела в быстрой последовательности, которые выбили дверь, когда Мур бросился обратно вокруг машины, к стороне водителя.

Но затем, как только прогремел третий выстрел, Мур вскочил и, перехватив пистолет левой ладонью, открыл ответный огонь, его пули вонзились в бетон в нескольких дюймах от того места, где сидел снайпер, примерно в сорока метрах от него. Это было за пределами точного

радиуса действия его пистолета, но Мур полагал, что снайпер в данный момент не делал никакой домашней работы по баллистике, а только уклонялся от диких пуль.

Четверо охранников отеля уже спешили на парковку...

— Он там! — ... и Мур указал на них и крикнул им:. — Ложитесь!

Один парень бросился на Мура, в то время как другие бросились за несколько других припаркованных машин.

— Не двигаться! — приказал охранник — и тогда снайпер снес ему голову.

Другой охранник начал лаять в свою рацию.

Когда Мур снова перевел взгляд на здание, он заметил снайпера на дальней восточной стороне, который использовал служебную лестницу, чтобы спуститься на стоянку внизу, быстро скользя, как паук, покидающий свое гнездо. Мур побежал прочь, и дорожка стала неровной, трава превратилась в гравий, а затем снова в тротуар. Узкий переулок между техническим центром и рядом небольших одноэтажных офисов позади него вел на северо-запад к АгаХан-роуд, главной магистрали перед отелем. Аромат сладкой свинины заполнил переулок, поскольку вытяжные вентиляторы кухни отеля просачивались в том направлении, и желудок Мура заурчал, хотя он едва ли думал о еде.

Не снижая скорости, он повернул налево, его Глок указывал путь, и там, менее чем в двадцати метрах впереди, стоял фургон «Тойота» серии «Хай-эйс» с двумя вооруженными людьми, свисающими из задних окон со стороны водителя и заднего пассажира.

Снайпер подбежал к фургону и запрыгнул на пассажирское сиденье, в то время как боевики сзади направили свои винтовки на Мура, у которого было две секунды, чтобы прыгнуть в небольшую нишу, когда кирпичи над ним разлетелись под огнем автоматического оружия. Дважды он пытался выглянуть, чтобы узнать номер, но приближающиеся были неумолимы, и к тому времени, когда они прекратили огонь, фургон сворачивал на главное шоссе. Ушел.

Мур бросился обратно к своей машине, схватил сотовый телефон и дрожащей рукой попытался позвонить. Затем он просто остановился и откинулся на спинку своей машины, когда еще больше парней из службы безопасности окружили его, а их шеф требовал ответов. Ему нужно было вызвать фургон, посмотреть в небо на этот автомобиль. Ему нужно было рассказать им, что произошло.

Все были мертвы. Но все, что он мог делать, это дышать.

Пакистан. Исламабад. Деревня. Сайдпур. Три часа спустя...

Деревня Саидпур, плотно укрытая на холмах Маргалла, возвышающихся над Исламабадом, предлагает живописный вид на город и привлекает постоянный поток туристов, ищущих то, что некоторые гиды называют «душой» Пакистана. Гиды сказали, что вы можете найти это в Саидпуре.

Однако, если у города и была душа, она просто стала темнее. Столбы дыма все еще поднимались из отеля «Марриотт», прочерчивая линии в звездном небе, а Мур стоял на балконе конспиративной квартиры, снова ругаясь. Взрыв уничтожил не только их комнату, но и две другие соседние справа и слева, и прежде чем другие смогли приблизиться к этому месту, крыша в этой части здания рухнула.

С помощью трех других оперативников, вызванных для обеспечения безопасности района, а также специальной группы криминалистов и двух специалистов по месту преступления, Мур смог работать с частной охраной отеля, местной полицией и межведомственной разведывательной группой из пяти человек, даже несмотря на то, что он постоянно снабжал репортеров «прессы с места событий» дезинформацией. К тому времени, когда эта история попала в такие сми, как CNN, они сообщали, что в отеле взорвалась бомба талибов и что террористы взяли на себя ответственность, потому что они хотели отомстить за убийства шиитами членов суннитского экстремистского союзника группы, известной как Сипах-и-Сахаба.

Полковник пакистанской армии был случайно захвачен взрывом. Учитывая трудно запоминающиеся названия групп и неясные обстоятельства, Мур был уверен, что история будет продолжать становиться все более запутанной. У его коллег в комнате не было при себе ничего, что могло бы идентифицировать их как американцев или сотрудников ЦРУ.

Он отвернулся от балкона и обратился к голосу в своей голове: «Я не могу разрушить их жизни. Мои сыновья сейчас учатся в средней школе. Мою жену только что повысили. Она работает прямо там, в техническом центре по соседству. Пакистан — наш дом. Мы никогда не уйдем». Мур схватился за каменные перила, перегнулся, у него перехватило дыхание, и его начало рвать.

Он просто стоял там, подперев голову рукой, ожидая, когда это пройдет, пытаясь избавиться от всего этого, хотя бомбежка, по сути, вернула все это обратно. Он потратил годы, пытаясь подавить воспоминания, борясь с ними в течение бесчисленных бессонных ночей, борясь с желанием выбрать легкий путь и выпить боль...И последние несколько лет он хотел верить, что победил. А потом это.

Он встретил своих коллег-оперативников всего несколько недель назад и не установил с ними ничего, кроме профессиональной связи. Да, он чувствовал себя ужасно из-за их потери, но больше всего ему было больно от Ходая, растерзанного полковника...

Мур многое узнал о нем, и потеря казалась значительной. Как бы племянник Ходая отреагировал на смерть своего дяди? Лейтенант думал, что помогает обоим мужчинам, и хотя он, должно быть, знал, что Ходай подвергнет себя опасности, разговаривая с Муром, он, вероятно, отрицал любые мысли о том, что его дядя был убит.

Мур обещал защищать Ходая и его семью. Он потерпел неудачу на каждом уровне.

Когда полиция прибыла в дом Ходая всего час назад, они обнаружили, что жена и сыновья этого человека зарезаны, а агент, назначенный для их защиты, пропал. У талибов были такие хорошие связи, они были так тщательно подключены к городской жизни, что Муру и его людям казалось практически невозможным выполнить какую-либо реальную работу. Это, конечно, была его депрессия, но у талибов повсюду были наблюдатели, и как бы он ни старался слиться с толпой — отрастить бороду, носить местную одежду, говорить на местном языке — они догадались, кто он такой и чего добивается.

Он вытер рот и выпрямился, оглядываясь на город, на затяжной дым, на огни, мерцающие на горизонте.

— Мне жаль. — он сглотнул, собрался с духом и прошептал.

А несколько часов спустя Мур разговаривал по видеосвязи с Грегом О'Харой, заместителем директора Национальной секретной службы ЦРУ. О'Хара был подтянутым мужчиной под

пятьдесят, с седовато-рыжими волосами и жестким взглядом голубых глаз, увеличенным очками. У него была склонность к золотым галстукам, и, должно быть, у него была сотня из них. Мур дал ему краткое изложение того, что произошло, и они решили, что поговорят снова утром, как только другие команды завершат свои расследования и зарегистрируют свои выводы.

Непосредственный начальник Мура, начальник отдела специальных мероприятий, также будет участвовать в разговоре.

Один из местных контактов Мура, Исрар Рана, оперативник, которого он завербовал сам, проведя последние два года в Афганистане и Пакистане, прибыл на конспиративную квартиру. Рана был студентом колледжа лет двадцати пяти, с острым умом, птичьими чертами лица и страстью к игре в крикет. Его чувство юмора и мальчишеское обаяние позволили ему собрать значительное количество информации для Агентства. Это, в сочетании с его происхождением — его семья стала довольно хорошо известна за последнее столетие как отличные солдаты и хитрые бизнесмены — сделало его почти идеальным оперативником.

Мур плюхнулся в кресло, а Рана встала рядом с диваном.

— Спасибо, что пришли.

— Нет проблем, «деньжатник». — это было прозвище Раны для Мура — и оно имело смысл. Ране щедро заплатили за его услуги. — Мне нужно знать, где произошла утечка. Мы все испортили с самого начала? Была ли это армия, талибан или оба?

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы достать тебе что-нибудь. — Рана покачал головой и скорчил гримасу. — Но сейчас, позволь мне предложить тебе выпить. Что-нибудь, что поможет тебе уснуть.

— Ничто не поможет мне уснуть. — Мур отмахнулся от него.

— Я собираюсь сделать несколько звонков. — Рана кивнул. — Могу ли я воспользоваться компьютером?

— Он вон там.

Мур удалился в спальню, и в течение часа он понял, что был неправ.

Он погрузился в измученный сон, неумолимо плывя по черным волнам, пока его сердцебиение, похожее на стук винтов вертолета, не заставило его выпрямиться в холодном поту. Он оглядел комнату, вздохнул и рухнул обратно на подушку.